

АРХИМАНДРИТ ТИХОН (ШЕВКУНОВ)

**“ВЫ ДАЖЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ,
ЧТО ТАКОЕ — МОНАСТЫРЬ!”**

АРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ

Архимандрит Серафим перед Успенским храмом, Псково-Печерский монастырь. 1970-е годы.

Отец Серафим был для меня самым загадочным человеком в Псково-Печерском монастыре. Происходил он из остзейских баронов. В тридцатые годы он пришел в монастырь на послушание к старцу Симеону.

Отец Серафим мало общался с людьми. Жил он в пещере, приспособленной под келью, очень сырой и темной. На службе стоял весь углубленный в молитву, низко склонив голову, изредка, по-особому легко и благоговейно, совершая крестное знамение. И по монастырю отец Серафим проходил всегда такой же сосредоточенный. Нам, послушникам, преступлением казалось даже отвлечь его. Правда, иногда он сам коротко обращался к нам. Например, возвращаясь в келью с литургии, всегда давал просфору дежурному на монастырской площади. Или как-то один послушник – Саша Швецов – подумывал о том, чтобы оставить монастырь. Отец Серафим неожиданно подошел к нему и, топнув ногой, строго прикрикнул: “Нет тебе дороги из монастыря!”.

Архимандрит Тихон (Георгий Алексеевич ШЕВКУНОВ) родился в 1958 году. Окончил сценарный факультет Всесоюзного института кинематографии. Вскоре после окончания института, в 1984 году, стал послушником Псково-Печерского монастыря. В 1991 году пострижен в монашество. С 1994 года наместник Сретенского монастыря. Ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре. Автор получивших широкую известность фильмов “Гибель империи. Византийский урок” и “Псково-Печерский монастырь”.

Сам он, прожив здесь безвыходно 60 лет, говорил: “Я даже помыслом не выходил из обители”. В 1945 году его, правда, как немца выводили на расстрел наши солдаты, но потом передумали и не расстреляли.

Вообще, несмотря на свою замкнутость и суровость, он был необычайно добрым, любящим человеком. И его в монастыре все бесконечно почитали и любили. Хотя и относились со страхом, точнее с трепетом, как к человеку, живущему на земле с Богом, как к живому святому.

Помню свое наблюдение тех лет. Я некоторое время был иподьяконом у отца Наместника архимандрита Гавриила и заметил, что, когда отец Серафим входил в алтарь, наместник поспешно поднимался навстречу ему со своего игуменского места и приветствовал с особым почтением. Больше он так не относился ни к кому.

Зимой и летом, ровно в четыре часа утра, отец Серафим выходил из своей пещерной кельи и коротко осматривал монастырь – все ли в порядке? Только после этого он возвращался в келью и растапливал печь, которую из-за пещерной сырости приходилось топить почти круглый год. Думаю, отец Серафим ощущал себя особым хранителем монастыря, а может, это и вправду было ему поручено. Во всяком случае, голос этого немецкого барона, великого монаха-аскета, прозорливого подвижника, был всегда определяющим в самых сложных решениях, которые приходилось принимать братии монастыря.

Отец Серафим редко произносил какие-то особые поучения. В прихожей его суровой пещерной кельи висели листы с высказываниями из творений святителя Тихона Задонского, и тот, кто приходил к нему, часто довольствовался этими цитатами или советом отца Серафима: “Побольше читайте святителя Тихона”.

Все годы жизни в монастыре отец Серафим во всем довольствовался самым малым. Не только в еде, во сне, в общении с людьми, но и даже, казалось бы, в совсем обычных вещах. Например, в бане он никогда не мылся под душем, ему всегда хватало лишь двух шаек воды. Когда послушники спросили у него, почему он не использует душ, ведь в нем воды сколько угодно, он буркнул, что под душем мыться – все равно что шоколад есть.

Как-то, году в 83-м, мне довелось побывать в Дивеево. А тогда это было не так просто, как сейчас: поблизости находился закрытый военный город. Старые дивеевские монахини подарили мне частицу камня, на котором молился преподобный Серафим Саровский. Вернувшись в Печоры, я решил подойти к отцу Серафиму и подарить ему эту святыню, связанную с его духовным покровителем. Отец Серафим, получив этот неожиданный подарок, сначала долго стоял молча, а потом спросил:

– Что я могу за это для вас сделать?

Я даже немного опешил.

– Да ничего... – но потом выпалил самое сокровенное: – Помолитесь, чтобы я стал монахом!

Помню, как внимательно посмотрел на меня отец Серафим.

– Для этого нужно главное, – сказал он негромко, – ваше собственное произволение!

О произволении к монашеству он еще раз говорил мне через много лет, совсем при других обстоятельствах. Я тогда был уже в Москве на послушании у владыки Питирима. А отец Серафим доживал последний год своей земной жизни. Он уже, кажется, почти не вставал. Приехав в монастырь, я зашел повидать старца в его пещерную келью. И вдруг он сам завел разговор о монастыре, о нынешнем положении монашества. Это было очень необычно для него и тем более драгоценно. Из этого разговора я запомнил несколько главных мыслей.

Во-первых, отец Серафим говорил о монастыре с огромной, невыразимой любовью, как о величайшем сокровище:

– Вы даже не представляете, что такое – монастырь! Это... жемчужина, это удивительная драгоценность в нашем мире! Только потом вы это оцените и поймете.

Затем он сказал о главной проблеме сегодняшнего монашества:

– Беда нынешних монастырей в том, что люди приходят сюда со слабым произволением.

Только теперь я все больше понимаю, насколько глубоко было это замечание отца Серафима. Жертвенного самоотречения и решимости на монашес-

кий подвиг в нас все меньше. Об этом, наблюдая за молодыми насельниками обители, и болело сердце у отца Серафима.

И наконец он сказал очень важную для меня вещь:

– Время больших монастырей прошло. Теперь будут приносить плод небольшие обители, где игумен в состоянии заботиться о духовной жизни каждого монаха. Запомните это. Если будете наместником – не берите много братии.

Таков был наш последний разговор в 1989 году. Я тогда был простым послушником, даже не монахом.

Прозорливость отца Серафима не вызывала у меня и моих монастырских друзей никаких сомнений. Сам отец Серафим очень спокойно и даже несколько скептически относился к разговорам о чудесах и прозорливости. Как-то он сказал:

– Вот все говорят, что отец Симеон был чудотворец, прозорливый. А я, сколько с ним жил рядом, – ничего не замечал. Просто хороший монах.

Но я не раз на своей судьбе испытал силу дарований отца Серафима.

Как-то летом 1986 года я проходил мимо кельи старца и увидел, что он собирается сменить лампу в фонаре на своем крыльце. Я принес табурет и помог ему. Отец Серафим поблагодарил меня и сказал:

– Одного послушника архиерей забрал в Москву на послушание. Думали, что ненадолго, а он там и остался!

– Ну и что? – спросил я.

– Ну и все! – сказал отец Серафим. Развернулся и ушел в свою келью.

В недоумении и я пошел своей дорогой. Какого послушника? Какой архиерей?..

Через три дня меня вызвал наместник архимандрит Гавриил. Он сказал, что ему сегодня позвонил из столицы архиепископ Волоколамский Питирим, Председатель Издательского отдела Московского Патриархата. Владыка Питирим узнал, что в Печорском монастыре есть послушник с высшим кинематографическим образованием, и обратился с просьбой к отцу Наместнику прислать его в Москву: срочно нужны были специалисты, чтобы готовить телевизионную и кинопрограмму к 1000-летию Крещения Руси, празднование намечалось через два года. Послушником, о котором шла речь, был я. Кажется это был самый страшный день в моей жизни. Я умолял отца Гавриила не отправлять меня в Москву, но он уже принял решение:

– Я из-за тебя с Питиримом ссориться не буду! – отрезал он в ответ на все мои мольбы.

Лишь позже я узнал, что возвращение в Москву было еще и давней просьбой моей матушки, которая надеялась отговорить меня от монашества, а отец Гавриил очень жалел ее и ждал повода отправить меня к безутешной родительнице. А жесткие формулировки были в его обычном стиле.

Конечно же, я сразу вспомнил свой последний разговор с отцом Серафимом о послушнике, об архиерее, о Москве и бросился к нему в келью.

– Воля Божия! Не горюйте. Все к лучшему, вы сами это увидите и поймете, – ласково сказал мне старец.

Как же, особенно первое время, было тяжело снова жить в Москве. И тяжело именно потому, что, просыпаясь ночью, я понимал, что поразительный, несравнимый ни с чем мир монастыря – с отцами Серафимами, Иоаннами, Нафанаилами, Мелхиседеками, Александрою – далеко, за сотни километров, а я здесь, в этой Москве, где ничего подобного нет!

ВРЕДНЫЙ ОТЕЦ НАФАНАИЛ

Если бы в то время кто-то предложил назвать самого вредного человека в Печорах, то, без сомнений, услышал бы в ответ только одно имя – казначей Псково-Печерского монастыря архимандрит отец Нафанаил. Причем в этом выборе были бы единодушны священники и послушники, монахи и миряне, коммунисты из печорского управления КГБ и местные диссиденты. Дело в том, что отец Нафанаил был не просто вредный. Он был очень вредный.

К тому времени, когда я узнал его, он представлял собой худенького, с острым пронзительным взглядом преклонных лет старца. Одет он был и зи-

мой и летом в старую застиранную рясу с рваным подолом. За плечами обычно носил холщовый мешок, а в нем могло быть что угодно – и сухари, пожертвованные какой-то бабкой, и миллион рублей. И то и другое в глазах отца казначея являло собой чрезвычайную ценность, поскольку было послано в обитель Господом Богом. Все это достояние отец Нафанаил перетаскивал и перепрятывал по своим многочисленным потаенным кельям и складам.

Финансы монастыря были полностью в ведении и управлении отца Нафанаила. А тратить было на что: каждый день в обители садились за стол до 400 паломников и 100 монахов. Надо было обеспечивать бесконечные монастырские ремонты, новые стройки, да еще ежедневные житейские потребности братии, да помощь бедным, да прием гостей, да подарки чиновникам... Да и многое что еще. Как отец Нафанаил один справлялся со всеми этими финансовыми проблемами, неведомо было никому. Впрочем, на его плечах лежало и все монастырское делопроизводство. А еще – составление устава для ежедневных длинных монастырских богослужений, обязанности монастырского секретаря, ответы на письма людей, обращавшихся в монастырь по самым разным вопросам, и, наконец, он делил с отцом Наместником труды по весьма, как правило, неприятному общению с официальными советскими органами. Все эти обязанности, от одного перечисления которых всякому нормальному человеку должно было быть плохо, отец Нафанаил исполнял с таким вдохновением и скрупулезностью, что мы иногда сомневались, осталось ли в нем что-то еще, кроме церковного бюрократа.

Ко всему прочему на отце казначее лежала обязанность надзора за нами – послушниками. И можно не сомневаться, что исполнял он это дело со свойственной ему дотошностью: подглядывал, высматривал, подслушивал – как бы мы чего не сотворили против уставов или во вред монастырю. Хотя, честно признаться, присматривать за послушниками действительно было надо: приходили мы из мира в обитель изрядными разгильдяями.

Была у него еще одна фантастическая особенность: он всегда появлялся именно в тот момент, когда его меньше всего ждали. Скажем, увильнет монастырская молодежь от послушания и расположится где-нибудь на гульбище древних стен отдохнуть, поболтать, погреться на солнышке. Как вдруг словно из-под земли появляется отец Нафанаил. И, тряся бородой, начнет своим трескучим, особенно невыносимым в такие минуты голосом выговаривать, да так, что послушники готовы сквозь землю провалиться, только чтобы закончилось это истязание.

В своем усердии отец Нафанаил в буквальном смысле не ел и не спал. Он был не просто аскетом: никто, например, никогда не видел, чтобы он пил чай, а только простую воду. Да и за обедом съедал еле-еле пятую часть из того, что подавалось. Каждый вечер он непременно приходил на ужин в братскую трапезную, но лишь с той целью, чтобы, сидя перед пустой тарелкой, придирчиво наблюдать за порядком.

При этом энергия его была изумительна. Мы не знали, когда он спит. Даже ночью в окнах его кельи через ставни пробивался свет. Старые монахи говорили, что в своей келье он либо молится, либо пересчитывает горы рублей и трешек, собранных за день. Все это несметное богатство ему еще надо было аккуратно перевязать в пачки, а мелочь разложить по мешочкам. Когда он заканчивал с этим, то начинал писать руководство и пояснения к завтрашней службе: никто, как отец Нафанаил, не разбирался во всех особенностях и хитросплетениях монастырского уставного богослужения.

Но даже если ночью свет в его келье и выключался, все отлично знали, что это вовсе не означает, будто мы хотя бы на время можем считать себя свободными от его надзора. Нет, ночь напролет в любое мгновение отец Нафанаил мог появиться то там, то здесь, проверяя, не ходит ли кто по монастырю, что было настрого запрещено.

Помню, как-то зимней ночью мы, просидев допоздна в гостях у кого-то из братии на дне Ангела, пробирались к своим кельям. И вдруг в пяти шагах от нас из темноты выросла фигура отца Нафанаила. Мы замерли от ужаса. Но через несколько мгновений с удивлением поняли, что на этот раз казначей нас не видит. И вел он себя как-то странно. Еле волочил ноги и даже пошатывался, сгорбившись под своим мешком. Потом мы увидели, как он перелез через низкий штaketник палисадника и вдруг улегся в снег прямо на клумбу.

“Умер!” – пронеслось у нас в головах.

Мы выждали немного и, затаив дыхание, осторожно приблизились к нему. Отец Нафанаил лежал на снегу и спал. Просто спал. Так ровно дышал и даже посапывал. Под головой у него был мешок, который он обнимал обеими руками.

Мы решили ни за что не уходить, пока не увидим, что будет дальше, и, спрятавшись от света фонаря в тени водосвятной часовни, стали ждать. Через час мы, вконец заоченевшие, увидели, как отец Нафанаил внезапно бодро поднялся с клумбы, стряхнул запорошивший его снежок и, перекинув мешок за спину, как ни в чем ни бывало направился своей дорогой.

Тогда мы совершенно ничего не поняли. И лишь потом давно знавшие казначей монахи объяснили, что отец Нафанаил просто очень устал и захотел удобно поспать. Удобно в том смысле, что лежа. Поскольку в своей келье он спал только сидя. А чтобы не нежиться в кровати, предпочел поспать в снегу.

Впрочем, все, что касалось образа жизни печорского казначея в его келье, было лишь нашими догадками. Вредный отец Нафанаил никого в свой сокровенный внутренний мир не допускал. Да что там говорить – он никого не пускал даже в свою келью! Включая всесильного отца Наместника. Хотя это и казалось совершенно невозможным, чтобы наместник отец Гавриил куда-то в своем монастыре не мог войти. Тем более что келья казначея находилась не где-нибудь, а на первом этаже в доме, где жил наместник, прямо под его покоем. Конечно, мириться с таким положением вещей для хозяина монастыря было невозможно. И вот однажды отец Наместник после какого-то праздничного обеда, будучи в чудесном расположении духа, объявил отцу Нафанаилу, что не откладывая идет к нему в гости попить чайку.

Несколько человек из братии, находившиеся рядом в тот момент, сразу поняли, что сейчас произойдет нечто потрясающее ум, душу и всякое человеческое воображение. Упустить возможность увидеть такое событие было бы непростительно. Так что благодаря свидетелям сохранилось описание этой истории.

Отец Наместник торжественно и неумолимо двигался по монастырскому двору к келье отца Нафанаила. А казначей семенил за его спиной и с великим воплем убеждал отца Наместника отказаться от своей затеи. Он его умолял заняться чем-нибудь душеспасительным, полезным, а не праздными прогулками по ветхим, совершенно никому не интересным комнатушкам. Он красочно описывал, какой у него в келье беспорядок, что он не прибирал в ней двадцать шесть лет, что в келье невыносимо затхлый воздух... Наконец, в полном отчаянии, отец Нафанаил перешел почти к угрозам, громко размышляя вслух, что ни в коем случае нельзя подвергать драгоценную жизнь отца Наместника опасности, которая может его подстергать среди завалов казначейского жилища.

– Ну, хватит, отец казначей! – уже с раздражением оборвал его в конце концов наместник, стоя перед дверью кельи. – Открывайте и показывайте, что у вас там!

Было видно, что, несмотря на сердитый тон, отца Наместника разбирает настоящее любопытство.

Осознав наконец, что теперь никуда не деться, отец Нафанаил как-то вдруг даже повеселел и, молодцевато отрапортовав положенное монаху “Благословите, отец Наместник!”, прогремел ключами и отверз перед начальством заветную дверь, которая четыре десятилетия до этого момента приоткрывалась лишь ровно на столько, чтобы пропустить худенького отца Нафанаила...

За широко распахнутой дверью зияла полнейшая, непроглядная тьма: окна в таинственной келье днем и ночью были закрыты ставнями. Сам отец Нафанаил первым прошмыгнул в этот черный мрак. И тут же исчез, как провалился. Во всяком случае, из кельи не доносилось ни звука.

Отец Наместник вслед за ним осторожно вступил за порог двери и, неуверенно крикнув, пробасил:

– Что ж у вас тут так темно? Электричество-то есть? Где выключатель?

– Справа от вас, отец Наместник! – услужливо продребезжал из неприглядной тьмы голос казначея. – Только ручку протяните!

В следующее мгновение раздался душераздирающий вопль отца Наместника, и какая-то неведомая сила вынесла его из тьмы казначейской кельи в монастырский коридор. Вслед за ним на свет стремительно вынырнул отец

Нафанаил. В долю секунды он запер за собой дверь на три оборота и бросился к ошеломленному наместнику. Охая и ахая, казначей принялся сдвигать пылинки и оправлять рясу на отце Наместнике, вздохнув причитая:

– Вот незадача, Господи помилуй! Этот выключатель... к нему приспособиться надо. Сломался еще в шестьдесят четвертом, на Покров Божией Матери, аккурат в день, когда Хрущева снимали. Знак! Утром отвалился выключатель – вечером Никиту сняли! С тех пор я этот выключатель назад не возвращаю. И ни-ни, никаких электриков – сам все наладил: два проводка из стены торчат: соединишь – горит свет, разъединишь – гаснет. Но приспособиться, конечно, надо, это правда! Но не все сразу, не все сразу!.. Так что, отец Наместник, милости просим, сейчас я дверку снова отворю, и грядем с миром! Теперь-то вы знаете, как моим выключателем пользоваться. А там еще, ох, много интересного!

Но наместника к концу этой юродивой речи и след простыл.

При всем при том отец Нафанаил был действительно образцом послушания, писал длиннющие оды в честь отца Наместника, в честь Псково-Печерского монастыря, а также сочинял нравоучительные стихотворные проповеди в пять листов.

* * *

Вредность отца Нафанаила простиралась и на могучее Советское государство, особенно когда оно слишком бесцеремонно вмешивалось в монастырскую жизнь. Говорят, что именно отец Нафанаил дал особо тонкий совет великому печорскому наместнику архимандриту Алипию, когда даже тот был в некотором затруднении от напора и грубости властей.

Произошло это в конце шестидесятых годов. Как известно, в те годы все граждане Советского Союза должны были принимать участие в выборах. В монастырь ящик для голосования приносили в трапезную, где после обеда братия под надзором наместника, недовольно ворча, отдавали кесарю кесарево.

Но вот как-то первый секретарь Псковского обкома КПСС узнал, что для каких-то там невежественных монахов попущена нелепая льгота: они голосуют за нерушимый блок коммунистов и беспартийных в своем отжившем исторический век монастыре, а не на избирательном участке. Первый секретарь возмущился духом и устроил своим подчиненным беспощадный разгон за попустительство нетрудовому элементу. И немедленно распорядился, чтобы отныне и до века чернецы приходили на выборы в Верховный Совет СССР как все советские люди – на избирательные участки по месту жительства!

Вот тогда-то, как говорят, отец Нафанаил и пошептал наместнику отцу Алипию на ухо тот самый до чрезвычайности тонкий совет.

В день выборов (а это было в воскресенье) после праздничной монастырской литургии из ворот обители вышел торжественный крестный ход.

Выстроившись по двое, длинной чередой, под дружное пение тропарей монахи шествовали через весь город на избирательный участок. Над их головами реяли тяжелые хоругви, впереди по обычаю неслись кресты и древние иконы. Но это было еще не все. Как и положено перед всяким важным делом, в зале выборов духовенство начало совершать молебен. До смерти перепуганные чиновники пытались протестовать, но отец Алипий строго оборвал их, указав, чтобы не мешали гражданам исполнять конституционный долг так, как это у них положено. Проголосовав, братия тем же чинным крестным ходом вернулись в святую обитель.

Нет нужды объяснять, что к следующим выборам избирательная урна с раннего утра дожидалась монахов снова в монастырской трапезной.

И в то же время строго приглядывавший за нами отец Нафанаил всегда пресекал гласные проявления оппозиционности по отношению к государству и тем более попытки диссидентства. Поначалу это казалось нам чуть ли не возмутительным. Мы думали, что казначей просто лебезит перед властями. Но потом мы постепенно узнавали, что отец Нафанаил не раз и не два сталкивался с засланными в монастырь провокаторами или переодетыми оперативниками. Но даже вполне понимая, что перед ним искренние люди, отец Нафанаил все же всякий раз обрывал столь любимое нами вольномыслие. И не только потому, что оберегал монастырь. А скорее потому, что берег нас

самих от нашего же неразумия, фанаберии и молодой горячности, замешенной на самой простой гордыне. Он не дорого ценил слова, даже самые героические, и знал о советской власти и обо всем, что творилось в стране, не так, как мы — большей частью понаслышке да по книгам. И еще потому отец Нафанаил имел трезвое и очень личное отношение к советской власти, что его отец, священник Николай Поспелов, был расстрелян за веру в тридцать седьмом году. Пройдя солдатом через всю войну, отец Нафанаил стал послушником Великого наместника архимандрита Алипия и духовным сыном святого печорского старца и чудотворца иеросхимонаха Симеона. И оба они, увидев в нем человека кристальной честности и необычайно живого ума, сделали его в тяжелейшие годы хрущевских гонений на Церковь казначеем и секретарем монастыря и поверили ему самые сокровенные монастырские тайны.

И еще к вопросу о советской власти. Как-то летней ночью я нес послушание дежурного на площади перед Успенским храмом. Звезды слабо мерцали на северном небе. Тишина и покой. Трижды гулко пробили часы на башне... И вдруг я почувствовал, что за спиной у меня кто-то появился. Я испуганно обернулся. Это был отец Нафанаил. Он стоял рядом и смотрел в звездное небо. Потом задумчиво спросил:

— Георгий, что ты думаешь о главном принципе коммунизма?

Псково-Печерский монастырь. Успенская площадь. 1983 год. Три часа ночи. Звезды...

Не ожидая от меня ответа, отец Нафанаил так же в задумчивости продолжал:

— Главный принцип коммунизма — “от каждого по способностям, каждому по потребностям”. Но ведь “способности”, “потребности” — это ведь, конечно, какая-то комиссия будет определять? А какая комиссия?.. Скорее всего — “тройка”! Вот вызовут меня и скажут: “Ну, Нафанаил, какие у тебя способности? Кубометров двадцать леса в день напилить сможешь! А какие потребности? Бобовая похлебка!.. Вот он и весь главный принцип...”

Хотя отец Нафанаил всегда тщательно подчеркивал, что он не кто иной, как педантичный администратор и сухой службист, даже мы, послушники, через какое-то время стали догадываться, что свои духовные дарования он просто тщательно скрывает, как это, впрочем, делали все настоящие монахи в обители. Отец казначей не был официальным монастырским духовником. На исповедь к нему ходили из города лишь несколько печорских старожилов, да еще кто-то приезжал к нему из далеких мест. Остальных он как духовник не принимал, ссылаясь на свою неспособность к этому занятию.

Но однажды он на мгновение приоткрыл сокровенную часть своей души. Хотя тут же опять спрятался за привычной строгостью и сварливостью. Я как-то провинился на послушании. Кажется, исполнил порученное мне дело очень небрежно. За это сам отец Наместник поставил меня три дня убирать снег со всей Успенской площади. Я тогда порядком разобиделся, да еще снег все шел и шел, так что к третьему дню я не просто устал, а еле ноги волочил. Мне было так жалко себя, я так надулся на весь мир, что даже всерьез начал вынашивать план мести. Но какая месть послушника наместнику? Масштабы совершенно несопоставимые. И все же, из последних сил работая лопатой, я взлеял в сердце следующую картину. Когда наместник будет проходить мимо меня на обед в братскую трапезную, то наверняка язвительно поинтересуется: “Ну, как живешь, Георгий?” И тут я отвечу — весело и беззаботно, как будто и не было этих трех каторжных дней: “Лучше всех, отец Наместник! Вашими святыми молитвами!” И тогда он поймет, что меня так просто не сломить!

Картина этой ужасной мести так согрела мое сердце, что даже среди непрекращающегося снегопада я почувствовал себя значительно веселее. Когда рядом проходил отец Нафанаил, я даже разулыбался ему, подходя под благословение. В ответ он тоже очень приветливо осклабился и осенил меня крестным знаменем. Я склонился поцеловать его руку и вдруг услышал над собой скрипучий голос:

— Так значит: “Лучше всех, отец Наместник! Вашими святыми молитвами!”?

Я так и замер, согнувшись, как от радикулита. Когда же наконец решился поднять глаза на старца, то он смотрел на меня с нескрываемым ехидством. Но, заметив мой ужас, он уже с настоящей добротой проговорил:

— Смотри, Георгий, дерзость еще никого до добра не доводила!

И, перекинув свой мешок с миллионом, а может, с сухарями, заскрипел по морозному снегу к братскому корпусу. А я остался стоять разинув рот,

и только смотрел, как оторванная подметка на башмаке казначея болтается при каждом шаге.

Ну, настоящий Плюшкин! Только святой.

Как сказал один почтенный питерский протоиерей: “Один год Псково-Печерского монастыря – это все равно что пятьдесят лет духовной академии”. Другое дело, как мы эти уроки усвоили... Но это уже другой и, признаться, весьма горький вопрос.

Кстати, Плюшкиным отец Нафанаил был самым нешуточным. Кроме того, что он трясся над каждой монастырской копейкой, он исступленно кидался выключать все праздно горящие электрические лампочки, экономил воду, газ и вообще все, что можно было сберечь и поприжать.

И еще он строго бдел над вековыми устоями монастыря и древними иноческими уставами. К примеру, он терпеть не мог, когда кто-то из братии уезжал в отпуск. Хотя лечебный отпуск полагался для тех, кому это было необходимо, отец Нафанаил все равно совершенно не принимал и не выносил этого. Сам он в отпуск, разумеется, никогда не ходил за все свои пятьдесят пять лет пребывания в обители. Наместник архимандрит Гавриил тоже никогда отпуском не пользовался и косо смотрел на тех, кто приходил к нему с просьбами об отъезде.

Как-то, помню, наместник все же благословил поехать в летний отпуск одного иеромонаха. Благословить-то он его благословил, но деньги на дорогу велел получить у казначея.

Я тогда дежурил на Успенской площади и был свидетелем этой сцены. Началось с того, что иеромонах, собравшийся в отпуск, долго и впустую стучался в дверь кельи отца Нафанаила. Казначей, сразу поняв, о чем пойдет речь, затаился и не открывал. Тогда батюшка решил брать отца казначея измором. Он присел на скамью поодаль и стал ждать. Часа через четыре отец Нафанаил, опасливо озираясь, вышел на площадь, и тут его настиг отпускник с письменным благословением наместника выдать деньги на дорогу.

Увидев бумагу, отец Нафанаил замер, совершенно убитый, а потом с воплем повалился на землю и, задрав к небу руки и ноги (при этом из-под подрясника обнажились драные башмаки и синие выцветшие кальсоны), закричал во весь голос:

– Караул! Помогите! Грабят!!! Деньги им давай! В отпуск хотят! Устали от монастыря! От Матери Божией устали! Грабят! Караул! Помогите!!!

Бедный батюшка даже присел от ужаса. Изумленные иностранные туристы на площади стояли, открыв рты. Схватившись за голову, иеромонах опрометью бросился в свою келью. А наместник, стоя на балконе настоятельского дома, страшно довольный, взирал на всю эту картину.

Увидев, что опасность миновала, отец Нафанаил совершенно спокойно поднялся, отряхнулся от пыли и отправился по своим делам.

Особую радость нам доставляло, когда мы получали послушание помогать отцу Нафанаилу в проведении экскурсий по монастырю. Как правило, ему поручалось водить каких-то особо важных персон. В наши послушнические обязанности входило лишь открывать и закрывать за посетителями тяжелые церковные двери. Остальное время мы внимали отцу Нафанаилу. А послушать было что. Отец Нафанаил был продолжателем традиций своего учителя – Великого наместника архимандрита Алипия, который отстаивал монастырь и веру в Бога в самое тяжелое время хрущевских гонений. И алипиевский дар мудрого, а порой и беспощадного слова перешел по наследству к отцу Нафанаилу.

В те атеистические годы советские работники, приезжавшие в монастырь, ожидали увидеть кого угодно: мракобесов, хитрецов-хапуг, темных недочеловеков, но только не тех, кого они встречали на самом деле – своеобразно, но очень интересно образованных умниц, необычайно смелых и внутренне свободных людей, знающих что-то такое, о чем гости даже не догадывались. Уже через несколько минут экскурсантам становилось ясно, что таких людей они не встречали за всю свою жизнь.

Как-то, а это было в 1986 году, псковское партийное начальство привезло в монастырь высокого чиновника из Министерства путей сообщения. Он оказался на удивление спокойным и порядочным человеком: не задавал идиотских вопросов, скажем, о том, в каком корпусе живут жены монахов, не интересовался, почему Гагарин в космос летал, а Бога не видел. Но в конце кон-

цов после двухчасового общения с отцом Нафанаилом чиновник, пораженный своим новым собеседником, все же выдал:

— Слушайте, я просто потрясен общением с вами! Такого интересного и необычного человека я не встречал за всю свою жизнь! Но позвольте, как вы с вашим умом можете верить в... Ну, вы сами понимаете, во что! Ведь наука раскрывает человечеству все новые и новые горизонты. И Бога там нет! Он, простите, просто не нужен. Вот в нынешнем году к Земле из глубин Вселенной приближается комета Галлея. И ученые, представьте, точно высчитали весь ее маршрут! И скорость! И траекторию! И для этого, простите, никакой идеи Бога не нужно!

— Комета, говорите? Галлея?.. — затряс бородой отец Нафанаил. — Значит, если с кометой все подсчитали, то и Господь Бог не нужен? Н-да, понятно!.. А вот представьте — если меня поставить на холме у железной дороги и дать бумагу и карандаш. Ведь я через неделю точно смогу сказать вам, когда и в какую сторону будут ходить поезда. Но это ведь не значит, что нет кондукторов, диспетчеров, машинистов?.. Министров путей сообщения? Ведь не значит? Начальство — оно везде нужно!

Но не все подобные беседы заканчивались мирно. Однажды в монастырь прибыла экскурсия, состав которой нам назвали шепотом: дети членов ЦК. Не знаю, так ли это было, но молодые люди оказались весьма невоспитанными. Такая золотая московская молодежь середины восьмидесятых годов, которую я очень хорошо знал. Молодые люди то и дело прыскали от хохота, показывали пальцами на монахов и задавали те самые идиотские вопросы. Но делать было нечего, и отец Нафанаил повел их по монастырю.

Экскурсия началась с пещер, в самом начале которых есть крохотная келья с одним маленьким окошком. В этой келье в начале XIX века подвизался затворник иеросхимонах Лазарь. Здесь же он и похоронен. Над могильной плитой висят его тяжелый железный крест и вериги.

— Вот в этой келье, не выходя двадцать пять лет, подвизался иеросхимонах Лазарь, — начал свою экскурсию отец Нафанаил. — Я сейчас расскажу вам об этом удивительном подвижнике.

— А куда же этот ваш Лазарь здесь в туалет ходил? — громко поинтересовался один из юных экскурсантов.

Его спутники просто покатались от хохота.

Отец Нафанаил терпеливо дождался, когда они успокоятся, и невозмутимо произнес:

— Куда в туалет ходил? Хорошо, я вам сейчас покажу!

Он вывел несколько озадаченных экскурсантов из пещер и повел их через весь монастырь к скрытому от посторонних глаз хозяйственному двору. Здесь, на отшибе, ютился старый нужной чуланчик. Выстроив экскурсантов перед этим заведением полукругом, как делают это обычно перед важным экспонатом, отец Нафанаил торжественно указал на него рукой и произнес:

— Вот сюда иеросхимонах Лазарь ходил в туалет! А теперь стойте и смотрите!

И, развернувшись спиной к изумленным молодым людям, он оставил их одних.

Когда те пришли в себя, старший группы разыскал наместника и выразил свое негодование всем случившимся. На что отец Наместник ответил:

— Архимандрит Нафанаил доложил мне, чем вы интересовались. Именно это он вам и показал. Ничем больше помочь не можем!

Надо учитывать, что на дворе стоял 1984 год. А тогда все было не так просто. Могли случиться и серьезные неприятности. Но наместники Псково-Печерского монастыря традиционно были сильными людьми.

* * *

Умирал вредный отец Нафанаил необычайно тихо и смиренно. Когда врачи предложили поставить ему сердечный электростимулятор, он умолил отца Наместника этого не делать:

— Отцы, представьте, — говорил он, — душа хочет отойти к Богу, а какая-то маленькая электрическая штучка насильно запикивает ее обратно в тело! Дайте душе моей отойти в свой час!

Я имел счастье навестить отца Нафанаила незадолго до кончины и был поражен его бесконечной добротой и любовью. Вместо того чтобы беречь последние оставшиеся для жизни силы, этот невероятно бережливый во всем другом церковный скряга отдавал всего себя человеку, которого лишь на несколько минут посылал к нему Господь Бог. Как, впрочем, делал он это всю свою жизнь. Только когда-то мы этого не понимали.

О ТОМ, КАК МЫ УХОДИЛИ В МОНАСТЫРЬ

Вообще-то в монастырь мы, в начале восьмидесятых годов, в конце концов не уходили, а сбегали. Думаю, что нас считали немножко сумасшедшими. А иногда и не немножко. За нами приезжали несчастные родители, неутешные невесты, разгневанные профессора институтов, в которых мы учились. За одним монахом, а он сбежал, уже выйдя на пенсию и вырастив до совершеннолетия последнего из своих детей, приезжали сыновья и дочери, и орали на весь монастырь, что сейчас же увезут папочку домой. Мы его прятали за огромными корзинами в старом каретном сарае. Дети уверяли, что их отец, заслуженный шахтер, выжил из ума. А он просто тридцать лет день и ночь мечтал, когда сможет начать подвизаться в монастыре. Мы его прекрасно понимали. Мы и сами убежали из ставшего для нас бессмысленным мира, искать вдруг открывшегося нам Бога, почти так же, как раньше мальчишки убежали юнгами на корабли и устремлялись в далекое плавание. Но зов Бога был несравненно сильнее. Преодолеть его не было никаких сил, или, точнее, мы безошибочно чувствовали, что если не откликнемся на этот зов, не оставим всего и не пойдем за Ним, то безвозвратно потеряем себя. И даже если получим весь остальной мир со всеми его радостями и успехами, он нам будет не нужен и не мил.

Нам всем было страшно жаль в первую очередь своих растерянных перед нашей твердостью, ничего не понимающих родителей, потом конечно, и друзей и подруг, и наших любимых институтских профессоров, которые, не пожалев времени и сил, приезжали в Печоры спасать нас. Мы жизнь готовы были бы за них отдать. Но не монастырь.

Для наших близких все это казалось дико и совершенно необъяснимо. Помню, я уже несколько месяцев жил в монастыре, когда к нам приехал Саша Швецов. Было воскресенье – единственный свободный день на неделе. После чудесной воскресной службы и монастырского обеда мы, молодые послушники, лежали, блаженно растянувшись на кроватях в нашей большой и солнечной послушнической келии. Вдруг дверь широко отворилась, и на пороге появился высокий парень, наш ровесник, лет двадцати двух, в фирменных, как тогда называли, джинсах и в дорожной куртке.

– А вообще мне здесь нравится! Я здесь, пожалуй, останусь! – заявил он нам, даже не поздоровавшись.

“Вот поставят тебя завтра на коровник, или канализацию выгрести, тогда посмотрим, останешься ты или нет?” – позевывая, подумал я. Наверное, примерно то же пришло в голову и всем, кто вместе со мной разглядывал эту столичную штучку, залетевшую в древний монастырь.

Саша оказался сыном крупного торгпредского работника, жил с родителями в Пекине и в Нью-Йорке и только недавно вернулся в Россию учиться в институте. О Боге он узнал для себя с полгода назад немного, но – самое главное. И, видно, по-настоящему узнал, потому что с того времени стал мучиться от полной бессмысленности всего вокруг и неприкаянности, пока не набрел на монастырь. Сразу оценив, что нашел как раз то, что искал, он даже не стал сообщать о своем новом месте обитания родителям. Когда мы упрекнули Александра в жестокости, он сказал, что родители все равно точно не поймут его, а батя по-всякому скоро его отыщет. Так и получилось. Сашин папа приехал в Печоры на черной “Волге” и устроил показательный скандал с милицией, КГБ, с привлечением школьных друзей и институтских подруг – со всеми привычными для нас инструментами по вызволению из монастыря. Продолжалось это все довольно долго, пока папа с ужасом не убедился, что все напрасно, и Сашка не уйдет никуда. Казначей, отец Нафанаил, пытаясь хоть как-то утешить московского гостя, ласково сказал ему: “Ну вот, отдадите

своего сыночка в жертву Богу. Будет он печерским иеромонахом, еще будете им гордиться...”

Я помню, какой дикий вопль огласил тогда весь монастырь:

– Никогда!!!

Это орал Сашкин папа. Он просто еще не знал, что отец Нафанаил был прозорливым, а то бы так не нервничал. Сашка действительно сейчас иеромонах и единственный из всех нас, бывших тогда, в день его первого приезда в Печору, в солнечной послушнической келии, кто остался служить в Псково-Печерском монастыре. А Сашин папа, Александр Михайлович, через десять лет стал работать со мной в Москве в Донском монастыре, а потом и в Сретенском, заведующим книжным складом. На этой церковной должности он и отошел ко Господу, став самым искренним молитвенником и искателем Бога.

БОГОСЛОВЫ

Как-то к отцу Иоанну (Крестьянкину) подошел молодой человек, выпускник духовной академии, и, представляясь, между прочим заявил: “Я – богослов”.

Отец Иоанн очень удивился и спросил:

– Как – четвертый?

– Что – “четвертый”? – не понял академист.

Отец Иоанн охотно пояснил:

– Мы в церкви знаем трех богословов: первый – святой Иоанн Богослов, апостол и любимый ученик Спасителя. Второй – Григорий Богослов. И третий – Симеон Новый Богослов. Только им святая церковь за всю свою двухтысячелетнюю историю решила усвоить имя “Богословов”. А вы, значит, четвертый?

Но все же, кому и как Господь посылает духовную мудрость? На самом деле для того, чтобы быть богословом, совершенно не обязательно носить рясу и заканчивать духовные академии. “Дух дышит где хочет!” – пораженно восклицает апостол Павел.

Однажды мы с хором нашего Сретенского монастыря были на Дальнем Востоке на военной базе стратегической дальней авиации. После службы и концерта хора офицеры пригласили нас на ужин. Эта православная служба была первой за многие годы в далеком военном городке. Понятно, что здешние люди смотрели на нас с интересом, как на что-то совсем диковинное. Перед трапезой мы, как обычно для христиан, прочли молитву “Отче наш”. С нами молился и крестился всеми уважаемый генерал. Часа через два, ближе к концу застолья, офицеры обратились к нему:

– Товарищ генерал, вот мы видели, что вы крестились. Мы вас уважаем. Но не понимаем. Наверное, вы о многом передумали, о чем мы еще не думали. Скажите, за те годы, которые вы прожили, как вы поняли, что самое главное в жизни, в чем ее смысл?

Понятно, что такие вопросы задаются только после того, как люди хорошо, по-русски, посидели за гостеприимным столом и прониклись доверием и доброжелательностью.

И генерал, настоящий армейский генерал, немного подумал и сказал:

– Главное в жизни – содержать сердце чистым перед Богом!

Я был потрясен! По глубине и богословский точности такое мог сказать только настоящий незаурядный богослов – богослов-мыслитель и богослов-практик. Но, думаю, армейский генерал об этом не догадывался.

Вообще нашего брата священника, бывает, многому могут научить, а то и пристыдить далекие, казалось бы, от богословских наук люди.

Во время переговоров о воссоединении с Русской Зарубежной Церковью архиепископ Германский Марк признался мне, что некоторый случай, происшедший с ним в России, заставил его поверить, что духовные изменения, происшедшие в нашей стране, это не пропаганда, а реальность.

Как-то один священник вез его в своем автомобиле по Подмоскovie. Владыка Марк – немец, и для него было очень непривычно, что при наличии на трассе знаков, ограничивающих скорость до девяноста километров, их машина неслась со скоростью сто сорок. Владыка долго терпел, но наконец деликатно высказал свое недоумение. Но священник лишь усмехнулся на наивное простодушие иностранца и заверил, что все в полном порядке.

– А если остановит полиция? – удивился владыка.
– С полицией тоже все в порядке! – уверенно ответил пораженному гостью священник.

И действительно, через какое-то время их остановил сотрудник ГАИ. Опустив стекло, священник добродушно поприветствовал молодого милиционера:

– Добрый день, начальник! Прости, торопимся.

Но милиционер никак не отреагировал на это приветствие:

– Ваши документы! – холодно потребовал он.

– Да ладно, брось, начальник! – заволновался батюшка. – Ты что, не видишь... Ну, в общем, торопимся мы!

– Ваши документы! – строго повторил милиционер.

Священнику было и обидно и стыдно перед гостем, но ничего не оставалось делать – он протянул милиционеру права и техпаспорт, но при этом не удержался и едко добавил:

– Ладно, бери! Ваше дело – наказывать, это наше дело – миловать!

На что милиционер, окинув его холодным взглядом, сдержанно проговорил:

– Ну, во-первых, наказываем не мы, а закон. А милуете не вы, а Господь Бог!

И вот тогда-то, как говорил владыка Марк, он понял, что если милиционеры на российских дорогах теперь мыслят подобными категориями, то в этой непостижимой умом стране всё снова изменилось. Но, по-видимому, на сей раз в лучшую сторону.

ПРО АНГЕЛА ХРАНИТЕЛЯ

Ангелы Хранители не только внушают нам благие помыслы к вечному спасению, они действительно охраняют нас в житейских обстоятельствах. Слово “Хранитель” – совсем не аллегория, это драгоценный опыт многих поколений христиан. Недаром, например, в молитвах о путешествующих Церковь призывает нас просить у Господа особого попечения о нас Ангела Хранителя. Да и правда, где, как не в путешествиях, исполненных порой непредвиденными опасностями, нам необходимо особое попечение Божие.

Лет, наверное, тринадцать назад мы с нашим прихожанином Николаем Сергеевичем Леоновым, профессором-историком, генерал-лейтенантом разведки, который много лет участвовал в телевизионной передаче “Русский дом”, были в Псково-Печерском монастыре. Там Николай Сергеевич впервые познакомился с отцом Иоанном (Крестьянкиным), который произвел на него не просто огромное впечатление, но, как сам Николай Сергеевич рассказывал, своими молитвами очень ему помог.

Николай Сергеевич в те годы только входил в жизнь Церкви, и поэтому у него было много вопросов, в том числе он просил меня объяснить учение Церкви об ангельском мире, об Ангелах Хранителях. Я очень старался, но чувствовал, что, несмотря на всю деликатность Николая Сергеевича, он был разочарован моими неумелыми объяснениями. Как мне было ни досадно, но оставалось только положиться на помощь Божию.

В Москву из Псково-Печерского монастыря мы выехали ранним летним утром, напутствованные отцом Иоанном. Дорога предстояла длинная, и перед отъездом я попросил механиков из монастырского гаража осмотреть машину и долить масло в мотор.

Мы быстро мчались по пустой дороге. Сидя за рулем, я не отрываясь, слушал рассказ Николая Сергеевича об одной из его дальних командировок. Об этой истории Николай Сергеевич давно мне обещал поведать. Я в жизни не встречал более интересного рассказчика, чем Николай Сергеевич. Его всегда слушаешь, затаив дыхание. Так было и на этот раз.

Но вдруг я неожиданно поймал себя на странной мысли, что вот сейчас, сию минуту, с нами происходит что-то особенное. Машина шла обычным ходом. Ничего – ни приборы, ни ровное движение автомобиля, ни запах – не говорило о тревоге. Но, тем не менее, мне становилось все более и более не по себе. “Николая Сергеевич, кажется, что-то происходит с машиной”, – сказал я, решившись перебить своего спутника. Николай Сергеевич – очень

опытный водитель с многолетним стажем. Внимательно оценив обстановку, он успокоил меня, заверив, что все в порядке. Но от этого моя необъяснимая тревога ничуть не прошла, а с каждой минутой все больше усиливалась. “Наверное, нам надо остановиться”, — наконец сказал я. Николай Сергеевич снова внимательно посмотрел на приборы, потом через ветровое стекло на капот автомобиля. Прислушался к движению машины и, удивленно взглянув на меня, снова повторил, что, с его точки зрения, у нас все в полном порядке. Но когда я и в третий раз, совершенно ничего не понимая от смятения, стал повторять, что нам необходимо остановиться, Николай Сергеевич согласился.

Как только мы затормозили, из-под капота машина клубами повалил черный дым.

Мы выскочили на дорогу. Я открыл капот, и из мотора вырвалось масляное пламя. Николая Сергеевич выхватил с заднего сидения свой пиджак и забил им огонь. Когда дым развеялся, и мы смогли разобраться в чем дело, выяснилось, что механики в монастыре, после того как залили масло в мотор, забыли закрыть крышку. Она так и лежала рядом с аккумулятором. Из открытого отверстия двигателя масло всю дорогу лилось на раскаленный мотор, но из-за большой скорости дым и запах проносились под колесами машины, и мы в закрытой кабине ничего не чувствовали. Еще километр-два пути — и все могло бы закончиться трагически.

Когда, немного приведя машину в порядок, мы медленно возвращались обратно в монастырь, я спросил Николая Сергеевича, нужно ли ему что-нибудь дополнять по поводу Ангелов Хранителей и их участия в нашей судьбе? Николай Сергеевич ответил, что на сегодня вполне достаточно, и этот догматический вопрос им вполне усвоен.

ОТЕЦ АВВАКУМ И ПСКОВСКИЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

Как-то летом один из древних пещерских стариков, сторож монах Аввакум, заявил в трапезной после вечерних молитв, что больше не будет пускать в монастырь неправославных. Хватит! Ходят по обители то размалеванные дамочки-туристки под ручку с мужиками-безбожниками, от которых за версту разит табачищем, то коммунисты с баптистами, то новоявленные екуменисты, то мусульмане в обнимку с нехристями-жидами. Надо этому класть конец!

Братия не придавала стариковскому ворчанию значения, но кто-то все же спросил:

— А как же ты отличишь, православный идет человек или нет?

Аввакум крепко задумался. Но ненадолго.

— А вот кто прочтет “Символ веры”, того я и пущу! А нет — гуляй за воротами, нечего тебе и делать в монастыре!

Все посмеялись над его словами да и забыли. Но на следующее утро, когда монахи расходились после службы по послушаниям, они с удивлением заметили, что в монастыре непривычно безлюдно. Бродят и крестятся на храмы благочестивые паломники, знакомые бабки подходят под благословение, странники со своими узелками отдыхают после литургии, юродивый бегает вокруг колодца. А вот обычные докучливые толпы туристов куда-то исчезли. Просто Святая Русь! Видно, правда, отец Аввакум чудит, исполняет свое слово.

Так оно и происходило. С раннего утра, заступив на дежурства у Святых Ворот, отец Аввакум у каждого входящего требовал прочесть Никео-Цареградский Символ веры, составленный отцами двух первых Вселенских соборов в IV веке. Расчет был гениально прост: каждый воцерковленный православный уж точно знает этот текст наизусть.

С полшестого до десяти часов утра ни у одного из пришедших в монастырь с Символом веры проблем не было. А вот после десяти из Пскова подъехал первый туристический автобус. Само собой, никто из советских туристов экзамен у Аввакума выдержать не смог. Все только ругались да угрожали, стоя перед закрытыми наглухо воротами. Но для старого солдата отца Аввакума, закончившего войну с полной грудью боевых орденов и медалей, эти угрозы были просто смешны. Потом подъехал еще автобус. Потом подошли и интуристы... Короче, к полудню у ворот обители собралась огромная разгоряченная толпа. Ее-то и увидел из окна своей черной “Волги” приехавший

в монастырь на обед к отцу Наместнику главный псковский надзиратель над всей церковной жизнью – уполномоченный по делам религий по Псковской области Николай Александрович Юдин.

В монастыре фамилию уполномоченного все подчеркнуто произносили как “Иудин”. И не потому, что этот уполномоченный был хуже других. Просто любой надзиратель за церковной жизнью сам по себе был символом внешнего порабощения церкви. Справедливости ради надо сказать, что Николай Александрович был довольно добродушный человек, много лет проработавший в органах, но не ожесточившийся от избытка власти. Но все же он был самым полноправным хозяином и решителем судеб всех проходящих по его ведомству священнослужителей. Любого священника он мог по своему усмотрению лишить так называемой “регистрации”, и тогда священник уже не имел права служить в храме. И это лишь самое малое. Неприязнь уполномоченного совершенно спокойно могла кончиться для батюшки набором всех тех неприятностей, которые имел возможность обеспечить этот кадровый сотрудник КГБ тому, кого он посчитал бы опасным для советского строя. Поэтому все настоятели, не говоря уже о простых батюшках, являлись в кабинет уполномоченного по первому вызову.

Все, кроме наместника архимандрита Гавриила. Он был единственным, к кому, если надо было решить какое-то дело, Юдин приезжал сам. Почему так происходило? Думаю, потому что наместник смог себя так поставить. И еще потому, что отец Гавриил был сильный и независимый наместник. И очень жесткий: если уж чего-то решал, то добивался.

Правда, некоторые ядовито предполагали, что уполномоченный Юдин ездит в монастырь “на ковер” потому, что у наместника чин выше. Но это были просто злые языки. Хотя, понятно, что в те времена наместники и настоятели не могли не иметь взаимоотношений с представителями государственной власти. Но об этом позже.

Увидев вопиющий беспорядок в своем “хозяйстве”, Николай Александрович Юдин, конечно же, сразу вышел из машины. Быстро во всем разобравшись, он решительно пробрался сквозь толпу к воротам и грозно забарабанил кулаком по старинным, окованным железом дубовым доскам.

– Кто там?! Ну-ка, открывай сейчас же!

– Читай Символ веры! – торжественно и грозно раздался из-за ворот глас монаха Аввакума.

– Что?! – не поверил своим ушам уполномоченный. – Какой еще “Символ веры”? Открывай, тебе говорят!

– Читай Символ веры! – все так же непреклонно донеслось с той стороны.

У Николая Александровича от возмущения даже перехватило дыхание:

– Да ты кто такой?! Ты что себе позволяешь? Я – уполномоченный!

Я – Юдин! Открывай сейчас же, или пожалеешь!!!

– Читай Символ веры!

Этот возвышенный диалог продолжался минут десять.

Наконец, взянув на часы, уполномоченный сдался:

– Открой, прошу тебя! Я уже на целых четверть часа к вашему наместнику опоздал. Представляешь, как он меня сейчас встретит?!

За воротами повисла пауза. Видно, отец Аввакум живо представил себе, что ждет этого несчастного.

– Да, тебе непоздоровится... – с пониманием вздохнул он. Но тут же негибаемо повторил: – Читай Символ веры!

– Да не знаю я этот ваш “Символ веры”! – взмолился уполномоченный. – Хоть что это такое?

Отец Аввакум снова крепко задумался и наконец принял решение.

– Ну, ладно, так и быть!.. Повторяй за мной!

И из-за ворот донеслись древние величественные слова Никео-Цареградского Символа веры.

– Верую! – возгласил Аввакум.

– Верую... – затравленно озираясь на туристов, выдал из себя уполномоченный.

– Во Единого Бога Отца!.. – торжественно продолжил Аввакум.

– Во Единого Бога Отца... – обреченно повторил Юдин.

– Вседержителя!

– Вседержителя... .

- Творца Небу и Земли!
- Творца... Небу и Земли...

После того как уполномоченный Совета по делам религий по Псковской области всенародно засвидетельствовал последний догмат, заключенный в великой молитве: “Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь”, ворота приоткрылись и пропустили чиновника в монастырский двор.

Буквально испепелив взглядом своего инквизитора и выругавшись сквозь зубы, уполномоченный бросился к настоятельскому корпусу, где его в весьма раздраженном духе поджидал отец Наместник.

– Что ж это вы, Николай Александрович, опаздывать решили? Я уж полчаса как вас поджидаю! – недовольно встретил он гостя.

– Да что обо мне?! – кинулся в атаку уполномоченный. – Это у вас тут невеста что творится! Поставили какого-то психически больного на ворота. Никого не пускает – требует от всех читать какой-то Символ веры! Там на площади автобусы, туристы! Иностранцы!!! Представляете, какой скандал сейчас начнется?

Тут уж и наместник заволновался. Он немедленно послал отца эконома разобрататься и навести порядок, а Аввакума сейчас же привести в наместничий кабинет на расправу.

Когда Аввакум вошел в обеденную залу, уполномоченный усилиями отца Наместника, а также с помощью обильных яств и французского коньяка был несколько успокоен.

Увидев сторожа, отец Наместник гневно привстал в креслах.

– Ты что там устроил?! Без благословения, самочинно порядки свои в монастыре наводишь?!

А вот самочиние – это был действительно грех для монаха. Отец Наместник здесь был совершенно прав. И Аввакум мгновенно этот свой грех осознал. Он решительно шагнул к столу и бросился отцу Гавриилу в ноги.

– Виноват! Прости, отец Наместник!

– Убирайся вон, самочинник! – загремел над ним наместник и даже отпихнул Аввакума сапогом.

Уполномоченный мстительно торжествовал. Когда он уехал, наместник снова вызвал к себе Аввакума. Тот, лишь войдя, сразу повалился в ноги.

Но отец Наместник вызвал его совсем не для выговоров:

– Ладно, молодец! На вот, бери! – добродушно проговорил отец Гавриил и сунул Аввакуму бутылку “Наполеона”.

В тот вечер Аввакум и еще несколько старых монахов-солдат с удовольствием попробовали, что такое знаменитый наместнический коньяк.